

УДК 282 + 94 (476)

А.Н. Вабищевич

УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921 – 1939 гг.)

Статья посвящена одной из противоречивых проблем общественно-культурной жизни Западной Беларуси в 1920–30-е гг. – униатскому возрождению. Автор показывает неоднозначное отношение к униатству со стороны польских властей, политических партий и организаций, различных конфессий и этнических сообществ. На основании широкого круга источников, в том числе архивных документов, исследуется культурно-просветительская деятельность миссионерских центров униатских приходов. Особое внимание обращается на миссионерскую и просветительскую работу А.Неманцевича, В.Оношко, П.Татариневича и других деятелей. Констатируется, что монастырь мариаин в Друе, отдельные приходы вносили свой вклад в сохранение белорусской национальной культуры. Сделан вывод о том, что униатство по целому ряду причин не приобрело массового развития, но всё-таки препятствовало насильственной колонизации западнобелорусского населения. Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта Г05Р – 027.

Первые попытки возрождения униатской церкви в западнобелорусских землях начали осуществляться в начале 1920-х гг., но они были безуспешными. Из-за противодействия польских властей епископ И.Ботян не смог организовать нормальное функционирование восточно-католической (греко-католической) диоцезии в Луцке (учреждена ещё в 1917 г.), в состав которой были включены и юго-западные белорусские земли. После его смерти в 1921 г. диоцезия прекратила существование.

Неоуния (т. е. возрождение униатской церкви) осуществлялась стараниями Ватикана, который стремился усилить влияние католицизма в западноукраинских и западнобелорусских землях, оказавшихся после Рижского договора 1921 г. в составе Польши. Для этого были выделены специальные представители и значительные средства. Главной движущей силой стали католические священники, монахи-миссионеры. Относительно формы осуществления неоунии в среде католических иерархов были разногласия: одни требовали присоединения непосредственно к римско-католической церкви, другие (среди них и пинский епископ З.Лозинский) выступали за двухобрядность, третьи – за создание католических приходов восточного (византийско-славянского) обряда (в Западной Украине – греко-католической церкви) [1].

После визита в Рим в 1923 г. епископ Г.Шведецкий получил широкие полномочия по активизации униатской деятельности в Польше. В 1924 г. Ватикан наделил также виленского, луцкого, люблинского, пинского епископов правом открывать униатские приходы. В сентябре 1924 г. иезуиты восточного обряда основали миссию в местечке Альбертин возле Слонима. Они занимались пропагандой и распространением византийско-славянского обряда на территории Западной Беларуси. Бывший владелец Альбертинских суконной и картонно-бумажной фабрик граф Пусловский пожертвовал миссии значительные средства, выделил помещения. Там был открыт монастырь, протоигуменом которого стал У.Пенткевич. В д. Гола возле Слонима в 1924 г. открылся униатский приход. 24.07.1925 г. Альбертин получил статус первого в западнобелорусских землях прихода восточно-славянского (византийско-славянского) обряда. В 1926 г. миссия в Альбертине утверждена как новициат, который учредил свой филиал в д. Сынковичи. Сынковичская церковь-крепость конца XV–начала XVI вв. стала центром прихода восточно-славянского обряда.

Под патронажем папы римскаго Пия XI по ініцыятыве вiленскаго бiскупа, генерала ордена маріан Ю.Матулевіча (Матулайтиса), в июле – августе 1923 г. был основан монастырь маріан в местечке Друя. Его организация была поручена ксендзу А.Тикоте, который осенью 1921 г. выезжал за границу собирать средства для открытия белорусскаго монастыря. Значительные пожертвования для униатской церкви княгини М.Радзивилл были использованы для обустройства монастыря. Он располагался в помещениях бывшего бернардинскаго монастыря XVII в., имел собственное хозяйство на базе имения Заборовщина (60 га). В 1924 г. новіціат монастыря насчитывал 9 юношей, которые готовились вступить в орден маріан.

В 1925 г. был заключён конкордат Ватикана с Польшей, согласно которому было определено правовое положение католической церкви. Статус восточно-славянскаго (византийско-славянскаго) обряда не получил однозначнаго определения. Кроме того, наблюдалось несовпадение интересов относительно неонунии. Часть католическаго духовенства поддерживала неонунию, которая усиливала влияние Ватикана. Другие польские ксендзы считали униатскую компанию антипольской, направленной на пробуждение национальнаго самосознания украинцев, белорусов и других непольских народов. Львовский митрополит А.Шептицкий старался распространить влияние греко-католической церкви на территории Западной Беларуси. Местная польская администрация всячески препятствовала ему, оказывая предпочтение более выгодному восточно-славянскому обряду. Польские власти надеялись использовать неонунию в деле национальнай ассимиляции западнобелорусскаго населения, интеграции православнаго населения в состав польскаго общества [2]. В апреле 1925 г. министр вероисповеданий и публичнаго просвещения С.Грабский согласовал с пинским бискупом З.Лозинским условия функционирования византийско-славянскаго обряда католической церкви. На открывающиеся униатские приходы были наложены некоторые ограничения. При переходе в униатство допускалась литургия на церковнославянском языке, но предусматривалось подчинение римско-католической иерархии. Если униатами становились жители целой деревни, то они не получали возможности создать отдельный приход восточно-славянскаго обряда, а только филиальный храм с викарием. Как считает А.Свирид, польское государство в дальнейшем придерживалось стратегической линии, выработанной в ходе той встречи С.Грабскаго и З.Лозинскаго [3].

Многие польские политические партии и организации высказывались против неонунии. Неоднократно звучали голоса об исходящей от неонунии угрозы сепаратизма, отделения западноукраинских и западнобелорусских земель. Правые партии выступали в поддержку римско-католической церкви, против роста национальнаго самосознания непольскаго населения. Польские помещики, осадники, чиновники признавали неонунию «антипольской демонстрацией», препятствием на пути колонизации «кресов восточных». Весной 1926 г. полесский и новогрудский воеводы заявили о нежелательности униатской церкви для интересов польскаго государства.

Режим «санации» Ю.Пилсудскаго вначале старался не препятствовать деятельности униатской церкви. В 1927 г. в западнобелорусском крае насчитывалось 14 приходов, а к 1932 г. их число возросло до 36 [4, с.15]. Относительно благоприятные условия для неонунии до 1932 г. были на территории Пинской римско-католической дицезии. Пинский бискуп З.Лозинский поддерживал постоянную связь с украинскими греко-католиками. Наряду с Альбертином и Вильно Пинск являлся крупным миссионерским центром. Начиная с 1929 г. здесь регулярно проводились униатские

конференции. Количественный рост униатских приходов вынудил польские власти провести в июне 1928 г. конференцию в Варшаве. Единой стратегии в отношении местных властей к неоунии выработать не удалось. Конференция признала необходимым дифференцированный подход к католической церкви византийско-славянского обряда с учётом особенностей его развития в данной местности [3].

Униатское возрождение наталкивалось на противодействие православной церкви. Православные священники считали униатов еретиками, не одобряли их общественно-политическую ориентацию, благосклонность к национально-культурным интересам белорусов. Первоначально униатские священники по объективным и субъективным причинам во время проповедей и дополнительных богослужений пользовались русским языком [5]. Постепенно началось использование и других языков. Согласно решениям II униатской конференции (Пинск, 1–3.09.1931 г.) рекомендовалось использовать в богослужении в униатских храмах родной язык верующих. Униатская церковь рассматривалась как конкурент православной в пополнении доходов, как претендент на её церковные здания и имущество. Для проведения антиуниатской пропаганды в православных епархиях создавались специальные миссионерские комитеты. Сами православные священники были обязаны неукоснительно следовать предписаниям церковных властей, всячески препятствовать оживлению униатства [6]. Шовинистическая часть русского меньшинства поддерживала православную церковь в её неприятии униатского возрождения.

В конце 1920-х – начале 30-х гг. Ватикан активизировал деятельность по униатскому возрождению. Были проведены специальные конференции священников, создано несколько учебных заведений. Для западнобелорусских земель униатских священников готовили в Альбертине, а также в духовной семинарии в Дубно (Западная Украина) (основана в 1928 г.), в миссионерском институте в Люблине. В католических семинариях желающим учащимся давали специальную подготовку. В апреле 1930 г. комиссия «Pro Russia» стала самостоятельной организацией, которая подчинялась непосредственно папе римскому. Этой комиссии была передана пропаганда византийско-славянского обряда, который ранее входил в компетенцию польских римско-католических bishops. Польские власти формально теряли контроль над развитием этого обряда на подконтрольной территории. Ватикан не желал видеть униатскую церковь византийско-славянского обряда исключительно польской. Назначенный Ватиканом в 1930 г. bishop католической церкви византийско-славянского обряда, генерал ордена мариан Ф. Бучис, имел не территориальную, а личную юрисдикцию. Его назначение вызвало недовольство польской администрации. Вскоре вместо него bishopом стал Апостольский визитатор Н. Чарнецкий. В мае 1931 г. он совершил миссионерскую поездку по территории Полесского воеводства. Приезд Н. Чарнецкого широко афишировался униатами. 17 мая 1931 г. группа католических священников разных обрядов (в т. ч. bishopы Н. Чарнецкий, З. Лозинский) посетила местечко Янов для чествования «пинского апостола», святого Андрея Боболи.

Предпринимаемые Ватиканом шаги по созданию для католиков византийско-славянского обряда отдельной диоцезии с центром в Ковеле натолкнулись на противодействие польских властей. С 1932 г. в Пинской римско-католической диоцезии началась постепенная ликвидация существующих униатских приходов, а новые почти не создавались. Сменивший З. Лозинского пинский bishop К. Букраба хотя и проявлял лояльность по отношению к неоунии, но не оказывал ей содействия. В феврале 1932 г. школьные инспектора получили указания не допускать униатских богослужений в

учебных заведаннях без згоды мясцовых уладзяў. В адказ на заяўленні веруючых звычайна накіравалі ксёндзаў, якія імкнуліся перавесці тых у каталіцтва латынскага абрада. Преподанне рэлігіі рашалася толькі па-польску. Былі спробы зачыніць храмы. В тэчэнне 1934–1938 гг. отцы-студыты безуспешна добывалі згоду на будаванне уніяцкага храма в д. Колкі Столінскага уезду. Нягледзячы на згадкі аб падтрымцы, не выдзяляўся празмернай схільнасцю к уніату і віленскі біскуп Р.Ялбжыкоўскі.

Ватікан вымушан быў вносіць карэктывы в сваю палітыку. Згодна дэкрету папы рымскага Пія XI ад 21.12.1934 г. камісія «Pro Russia» вошла в склад камісіі па незвычайным царкоўным справам, а кіраванства неауніей перашло Святой кангрэгацыі па справам усходняй царквы. Аднак традыцыя правядзення уніяцкіх канферэнцый працягнулася: в 1930–1939 гг. адбылося 6 такіх канферэнцый в Пінску і 1 – в Вільню. На пасядзеннях абмяркоўваліся розныя пытанні тэалогіі, культуралогіі, гісторыі, узаемадзеяння абрадаў каталіцтва і т. п. Сярод дакладаў на уніяцкай канферэнцыі в студзені 1933 г. в Пінску былі наступныя: «Возможен ли созыв Вселенского собора православными?» (рэдактар каталіцкага часопіса «Ориенс» Я.Урбан (Кракув)), «Наука православной церкви об обязательствах кающихся грешников» (віленскі прафесар І.Свірскі), «О возможности унии в России» (уніяцкі святарь д. Таракані Дрогічынскага уезду Д.Новіцкі) і др.

Місіянерскія цэнтры, уніяцкія манастыры і храмы актыўна праводзілі культурна-просветельскую, сацыяльна-гуманітарную дзейнасць. В манастыры маріян в Друе в мясцовам касцёле і філіяльнай часовне д. Мальковіца прароведзілі на беларускай мове. В 1924 г. в манастыры была заснавана школа (с 1930 г. – гімназія ім. С.Батэрыя), дырэктарам якой да 1933 г. быў А.Тыкота, актывны і падтрымнік беларусізацыі каталіцкага касцёла в Заходняй Беларусі. Сярод выкладчыкаў былі ўступіўшы в манастыр беларускія ксёндзы Я.Германовіч (звестны як пісьмачнік В.Адважны), Ф.Абрантовіч, доктар філасофіі, былы рэктар Мінскай каталіцкай семінарыі, і др. Яны таксама выступалі за ўвядзенне беларускай мовы в богаслужэнне, в адукацыйны працэс духоўных адукацыйных устаноў. Яны ўрававалі гэтыя патрабаванні в дэкларацыі маріянаў в мемарандуме, накіраваным на ўніяцкаму саезду біскупаў, які адбыўся 8–10 студзеня 1926 г. в Вільню [7, с. 9].

В школе манастыра в Друе навучаліся моладзь розных веравызнанняў, сацыяльнага становішча. Адукацыя і выхаванне праводзілася па-польску з апраганай на хрысціянскія, гуманітарныя і дэмакратычныя каштоўнасці. Выпускнікамі гімназіі былі гісторык В.Ярмолкавіч, мастацтвазнавец В.Жовнеровіч, рэлігійны дзеяць, генерал ордена маріян в 1963–1969 гг., заснавальнік бібліятэкі ім. Ф.Скорыны в Лондане Ч.Сіповіч, ксёндз Т.Падзява і др. В сярэдзіне 1930-х гг. друіцкія маріане адкрылі в Вільню адукацыйнае заклад «Беларускі маріанскі дом студый» (рук. – Ю.Кашыра (1935–1936 гг.), Я.Германовіч (1936–1938 гг.)), куды накіраваліся выпускнікі гімназіі. В 1934–1938 гг. аднаўленнем манастыра в Друе займаўся беларускі архітэктар Л.Вітан-Дубейкаўскі. Друіцкія маріане аказвалі фінансавую дапамогу Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі (БХД), садействалі адкрыццю в Вільню Беларускай тыпаграфіі ім. Ф.Скорыны, матэрыяльна падтрымлівалі беларускае кнігадрукаванне. Патрыятычная пазыцыя беларускіх монахоў-маріян негатыўна ўспрымалася польскімі светскімі і рэлігійнымі ўладамі. Поступенна перавялі в другія месцы Ф.Абрантовіча (в 1928 г. в Харбін), Я.Германовіча (таксама в Харбін в 1932 г., вярнуўся

в Вильно в 1936 г.), А.Тикоту (в 1934 г.). В 1938 г. польская полиция выселила мариан-белорусов из Друи. Туда направили мариан-поляков.

Драматической была судьба монастыря после воссоединения Западной Беларуси с БССР. В конце 1939 г. советские власти закрыли монастырь и гимназию в Друе. Вскоре стал жертвой сталинских репрессий Ф.Абрантович. В послевоенные десятилетия некоторые из друйских монахов нашли убежище в основанном в 1964 г. в Лондоне белорусском марианском доме. Среди друйских мариан были яркие представители белорусских католических кругов, которые видели в неюнии возможности для духовного и национального возрождения белорусов. Следует согласиться с непредвзятыми суждениями современных украинских исследователей, что мариане в межвоенное время служили на пользу белорусской национальной культуре [8, с. 77].

Многонациональный состав клириков в Альбертинском монастыре не был помехой для проведения богослужений по-белорусски. При монастыре работали скаутские кружки, театральная студия, библиотека. Известностью пользовался церковный хор «Круциать». Значительный вклад в деятельность монастыря внёс А.Неманцевич, который с 1929 г. вступил в орден иезуитов, принял греко-католический обряд, стал настоятелем греко-католической церкви в Альбертине, с 1933 г. – в Сынковичах. В конце 1932 г. в Альбертине прошли подготовку более 60 священников. На территории монастыря была учреждена резиденция женского ордена «Сердца Иисуса», который проводил миссионерскую деятельность среди православной молодёжи. В 1932–1937 гг. А.Неманцевич издавал в Вильно (редакция была в Слониме, с 1934 г. – в духовной семинарии в Дубно) на белорусском языке униатскую газету «Да злучэння». Газета печатала Евангелие, работу Н.Бердяева «Объединение христиан Востока и Запада», статьи о необходимости неюнии, хронику религиозной жизни. Самым активным автором был сам А.Неманцевич. Среди постоянных авторов был униатский священник д. Бобровичи Косовского уезда Б.Почобко, Я.Урбан и др. После закрытия польскими властями «Да злучэння» А.Неманцевич организовал в 1939 г. издание в Варшаве нового белорусскоязычного униатского журнала «Злучэнне» (выходил до начала второй мировой войны).

В основанном в 1926 г. униатском приходе в д. Ольпень Столинского уезда до 1935 г. богослужения проводил В.Оношко. Под его руководством была построена часовня, дом священника, клуб. Проповеди звучали по-белорусски. В клубе показывались белорусские театральные постановки, действовал духовой оркестр. Более 10 учащихся из числа местной молодёжи поступили в духовные семинарии. Местные православные священники не могли мириться с существованием рядом униатского прихода. В своих отчётах за 1932 г. они называли следующие причины роста популярности В.Оношко: «Близость и бесплатная услуга униатского ксендза... Молодёжь привлекает музыка и пение, а детей – конфеты униатов...» [9]. Ксендз Я.Германович высоко оценил деятельность В.Оношко: «Редко где мне доводилось встречать таких искренних, набожных и жертвенных священников» [10]. Принципиальная гражданская позиция, приверженность В.Оношко идее белорусизации церковной жизни испугали административные власти, поэтому его перевели на Новогрудчину.

Хоть и с трудностями, но его дело по возрождению униатства продолжал белорусский священник П.Татариневич. В 1932–1939 гг. он проводил богослужения в Городной, Ольпене, Калке, на Мерлинских хуторах (Столинский уезд). П.Татариневич проявил себя талантливым оратором, печатался на страницах журнала «Да злучэння» и других западнобелорусских изданий [11]. Он являлся автором нескольких книг на белорусском языке, изданных в Вильно: «Святы Ізідар хлебароб» (1928), «Купалле» (1930),

«Шляхам дзіваў і ўражанняў» (1934) (под псевдонимом П.Задума), а также занимался литературными переводами.

После В.Оношко в д. Ольпень Столинского уезда неоунии занимался иеромонах-студент Януарий, а накануне второй мировой войны – священник С.Гладун, псаломщик М.Куп. В секретной переписке полесского воеводы от 14.01.1939 г. отмечалось, что на Мерлинских хуторах проводилась украинизация [12]. В другом документе польские власти были обеспокоены тем, что в д. Ольпень осуществляется «агрессивное строительство белорусского национализма» [13, с. 77].

Препятствия в своей работе испытывал униатский священник-белорус Л.Горошко, который в 1937–1939 г. вёл богослужения в ряде населённых пунктов Полесского воеводства, в т. ч. в Городной. Местные власти отказывали ему в обучении детей религии в школах, запрещали репетиции церковного хора, собрания верующих, постоянно штрафовали [14, с. 193–197]. В отчётах чиновников отмечалось, что Л.Горошко проводил «отчётливо украинскую агитацию, враждебную польскости». Такая оценка не была случайной, так как костяк униатского прихода составляли переселенцы из Западной Украины, которые поселились на окраине Городной отдельной колонией ещё в середине 1920-х гг. Невыносимые условия работы вынудили Л.Горошко переехать в Столбцы, откуда в 1939 г. он был выселен в Малориту.

В современной научной и научно-популярной литературе существует различная статистика относительно униатских приходов и верующих в западнобелорусском регионе в межвоенный период. По некоторым подсчетам, в 1923–1939 гг. в Западной Беларуси было создано 30 униатских приходов, учреждено более 10 мужских и женских монастырей, насчитывалось более 50 священников восточно-католического обряда. Наибольшего подъёма неоуния достигла в конце 1920-х гг. По данным журнала «Przegląd Katolicki» (1927. 31 июля), в 1927 г. в западнобелорусских землях было 20 тыс. униатов, а по сведениям польского министерства вероисповеданий и публичного просвещения в 1929 г. – 17 тыс. верующих [8, с. 75]. В 1930-е гг. происходил упадок униатских приходов. По данным И.Косыка, в Западной Беларуси в 1935 г. осталось около 12,5 тыс. униатов, а к сентябрю 1939 г. – 7,7–10 тыс. человек [15, с. 56]. По подсчетам С.Обламейки, в составе римско-католических дицезий в 1924–1939 гг. было создано 25 белорусских приходов византийско-славянского обряда, количество верующих достигло 30 тыс. человек [16, с. 211].

Несмотря на разночтения в подсчетах, которые из-за различных причин являются неизбежными и вряд ли преодолимыми, статистика свидетельствует, что униатство не заняло доминирующих позиций в общественной и духовной жизни западнобелорусского общества. На это повлиял целый ряд политических, экономических, социально-психологических, религиозных и других факторов. Слабость неоунии была следствием её просчётов в подборе кадров священников, миссионеров, бедности её материальной базы, финансовых трудностей. Отсутствовала целенаправленная политика протекционизма униатству со стороны польского государства, не было должного понимания его интересов на уровне местных властей. Униатские традиции с трудом восстанавливались в религиозном сознании людей. Несмотря на это униатство переживало процесс возрождения, постепенно приобретало национально-культурную самобытность, содействовало формированию национального самосознания западнобелорусского населения, выступало против насильственной колонизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Stępień S. Nowa unia kościelna. Obrządek bizantyńsko-słowiański // Polska – Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa. – Przemyśl, 1994. – Т. 2. – S. 150 – 151.
- 2 Rzemieniuk F. Kościół katolicki obrządku bizantijsko-słowiańskiego (Neounia). – Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1999. – S. 64 – 65.
- 3 Свірыд А. Палітыка Другой Рэчы Паспалітай у адносінах да уніі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2002. – № 5. – С. 56.
- 4 Мараш Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918 – 1939). – Минск: Беларусь, 1983.
- 5 Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918 – 1939. – Warszawa, 1989. – S. 409.
- 6 Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 13; Д. 83. – Л. 19.
- 7 Надсан А. Друя і грэка-каталіцкая царква на Беларусі 1924 – 1938. – Лондан: Выдавецтва “Божым шляхам”, 2001.
- 8 Сивіцкі П. Неоунія // Календар “Благовіста” на 1992 р. – Гурово-Ілавецьке, 1992.
- 9 ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 2941. – Л. 33об.
- 10 Божым шляхам. – 1966. – № 10. – С. 10; 1979. – № 150. – С. 22 – 23.
- 11 Центральная научная библиотека НАН Беларуси. – Отдел редких книг и рукописей. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 303; ГАБО. – Ф. 2346. – Оп. 1. – Д. 154. – Л. 1 – 12.
- 12 ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 2835. – Л. 2об.
- 13 Туронак Ю. Міжваенная унія ў Заходняй Беларусі // Спадчына. – 1992. – № 5.
- 14 Беларуская мемуарыстыка на эміграцыі / Укладальнік Л. Юрэвіч. – Нью-Ёрк: Беларускі інстытут навукі і мастацтва, 1999.
- 15 Касяк І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу. – Нью-Ёрк, 1956.
- 16 Abłamejka S. Problem statystyki parafij neounickich na terenie Zachodniej Białorusi w latach 1924 – 1939 // Unia Brzeska z perspektywy czterech stuleci: Materiały międzynarodowego sympozjum naukowego. Lublin, 20-21 IX 1995 r. – Lublin, 1998.

Vabishchevich A.N. Uniate Church in the Context of Social and Cultural Life in Western Belarus (1921 – 1939)

The article is devoted to Uniate revival, one of the contradictory problems of social and cultural life in Western Belarus in the 1920s – 1930s. The author shows ambiguous attitude of Polish government, political parties and organizations, different confessions and ethnic communities to Uniates. Cultural-educational activity of missionary centers and Uniate parishes is investigated relying on different sources and archival documents in particular. Special attention is paid to missionary and cultural activity of A. Nemantsevich, V. Onoshko, P. Tatarinovich and others. It is stated, that the monastery of marian in Druya, some parishes contributed to preservation of Belorussian national culture. The author comes to the conclusion that Uniate Church didn't get mass development of a number of reasons, but prevented from forced polonizing of western Belorussian population.